

Глава 17

Ледяная каша из фиолетового батата и ямса

Янь Чжэнь был сетевым писателем — из тех «новобранцев», чей творческий стаж не насчитывал и года.

Вообще-то он никогда не планировал связывать жизнь с литературой. Всё вышло случайно: следуя советам врачей, молодой человек просто искал способ унять тревогу и занять мысли чем-то приятным.

Опираясь на опыт службы, Янь Чжэнь набросал несколько коротких детективных рассказов. Друзья уговорили его выложить их на литературный портал, и результат превзошёл все ожидания. Рассказы мгновенно стали популярными. Ещё до того, как первая книга была закончена, у него появилась внушительная армия фанатов. Читатели в один голос хвалили тексты за безупречную логику и поразительную достоверность, не забывая закидывать автора донатами и требованиями писать быстрее.

Получая такой мощный отклик, он решил подойти к делу серьёзно и сделать писательство своей основной профессией.

Его осыпали восторгами, и лишь один аспект вызывал суровую критику: все как один твердили, что в описании чувств он полный профан. Стоило ему коснуться темы любви, как слог становился деревянным, а читать это без содрогания было невозможно.

Писатель искренне не понимал претензий. Зачем читателям детективов вообще сдались эти чувства? Разве описания убийств недостаточно захватывающи?

И всё же, будучи перфекционистом, Янь Чжэнь честно изучил несколько популярных любовных романов. Одна фраза, описывающая поцелуй влюблённых, особенно врезалась ему в память:

«Её губы... словно лепестки сакуры, тающие на кончике языка; в их сладости скрыта нежность шёлка, доведённая до совершенства...»

На бумаге это выглядело красиво. Он даже как-то раз сорвал цветок вишни, чтобы проверить вкус... Ощущения оказались, мягко говоря, неоднозначными. В общем, насколько это было эстетично в тексте, настолько же отвратительно на вкус: нечто безвкусное, напоминающее жевание дёрна, с отчётливым привкусом земли и лёгкой горечью.

Но сегодня, когда ложка «молочного десерта с двойной корочкой и красной фасолью», приготовленного Хозяином Анем, коснулась его языка, мужчина был поражён. В его скудном запасе эпитетов нашлось лишь одно сравнение.

«Неужели поцелуй и впрямь может быть таким же сладким, как эта фасолевая паста?..»

Ань Сынянь подал десерт Фэн Лэлэ и Цзэн Каю, выслушал порцию восторженных комплиментов и вернулся на кухню.

Он резонно предположил, что господин Янь не откажется от еды, которую так легко глотать, а потому утром приготовил сразу четыре чаши. Подхватив свою порцию, Хозяин Ань бросил взгляд на кухонный остров.

Чаша перед Янь Чжэнем была пуста. Сам мужчина сидел, зажав ложку в пальцах, и, казалось, пребывал в глубокой задумчивости.

«Ого. Похоже, ему действительно пришлось по вкусу»

Сынянь опустил взгляд на свою чашу и едва заметным жестом пододвинул её в сторону гостя.

— Есть ещё... Хотите добавки? Вкусно получилось, правда?

— Вполне... недурно, — Янь Чжэнь посмотрел на десерт, где на белом фоне алела фасоль. Его взгляд на мгновение задержался на шее собеседника, где едва заметно дёрнулся кадык, после чего он отложил ложку. — Но больше не нужно, спасибо.

С этими словами мужчина поднялся, подхватил Доучжира и ушёл к себе на второй этаж.

Несмотря на краткость отзыва, в нём чувствовалась искренность. Провожая гостя взглядом, Ань Сынянь ощутил прилив тихой радости. В конце концов, вкусная еда приносит удовольствие лишь тогда, когда есть с кем её разделить. Это совсем не то, что было в мире Цзюи, где Цинь Хэн с вечно недовольным лицом отпускал колкие замечания, а потом и вовсе переписал устав ордена, запретив ученикам прикасаться к его стряпне. За сотни лет одиноких трапез Сынянь уже и сам перестал понимать: постигает он путь бессмертия или просто привыкает к тотальному одиночеству.

Впрочем, лакомиться собственными десертами — удовольствие не меньшее.

«М-м-м... Обожаю красную фасоль»

Время пролетело незаметно. Фэн Лэлэ и Цзэн Кай после обеда засобирались обратно в город.

Проводив друзей, Сынянь открыл ноутбук.

Объявление о гостевом доме «Сытая Обитель Бессмертных» висело на туристическом портале уже два дня. И за всё это время — ни одного заказа, ни одного сохранения в «избранное», ни единого подписчика. Странно. Неужели такое великолепное море цветов никого не заинтересовало?

«Может, я фотографирую плохо? Или дело в цене?»

Полторы тысячи юаней за питание — сумма, которую готов выложить далеко не каждый. Но Сынянь не мог иначе. Продукты, не имеющие аналогов в мире, нельзя было продавать за бесценок.

Прикрыв глаза, он погрузился в своё Изумрудное пространство.

После того как Сяо Ин была высажена снаружи, в пространстве стало визуально просторнее, однако плотность растений на грядках только увеличилась.

Стоило ему воплотиться, как мизинец правой руки ощутил приятную прохладу: Тэн Бао мгновенно оплёл его палец своими побегами. Судьбоносное духовное растение, связанное с ним ментально, одновременно ластилось и негодовало, упрекая хозяина в том, что тот не заглядывал несколько дней.

Сынянь с улыбкой погладил листья на лозе.

— Прости-прости, — искренне покаялся он. — Дел было невпроворот.

Листья мелко задрожали и выпустили палец, а на лозе распустился крошечный жёлтый цветок.

Это означало, что обида прошла. Ань Сынянь кончиками пальцев коснулся лепестков и окинул взглядом свои владения.

Всё пространство было чётко распланировано на квадраты. В центре — Тэн Бао. Слева внизу теснились суккуленты, несколько видов папоротников, лаванда и гортензии. После того как большая часть отправилась украшать двор гостевого дома, в земле осталось лишь по паре экземпляров каждого вида.

Слева сверху расположилось царство приправ: имбирь, лук, чеснок, чили, полынь, перилла... Но самую большую площадь занимала мята.

Справа сверху зеленели привычные овощи: огурцы, томаты и его любимое лакомство — арбузы.

Сейчас они только дали первые всходы, радуя глаз нежной зеленью.

Нижний правый квадрат занимали листовые овощи: китайская капуста, амарант и водяной шпинат. Сейчас они были в самом соку.

Даже без магического ускорения роста, без солнечного света и регулярного полива, одних лишь эманаций духовной энергии было достаточно, чтобы растения развивались в три раза быстрее, чем в обычном мире. Овощам от всхода до сбора требовался месяц, а листовую зелень можно было подавать к столу уже через неделю.

Жаль только, что места катастрофически не хватало. Сынянь прислушался к токам духовной энергии в пространстве.

«736 нитей... До заветных десяти тысяч ещё бесконечно далеко»

Он вернулся к ноутбуку. На экране телефона мелькнуло уведомление — Цзэн Кай прислал обещанные данные своих друзей. Парень даже не доехал до города: скинул имена и телефоны, пока стоял на светофоре.

Кратко ответив: «Принято», Сынянь заметил красный индикатор нового запроса в друзья. Никнейм состоял из одной-единственной точки.

Благо аватарку с чёрным котом он узнал сразу — серо-зелёные глаза были точь-в-точь как у Дочжира.

Стоило подтвердить запрос, как этот человек без лишних слов перевёл деньги. Шестидесят одна тысяча — ровно, до последнего юаня. Хозяин Ань подтвердил получение, невольно подумав:

«И не боится ведь, что ошибся номером или человеком...»

Раз господин Янь оказался настолько щедрым, стоило уделить особое внимание его ужину.

Вообще-то Сынянь сам мечтал о наваристой морской каше в глиняном горшочке. Рис, томлёный с креветками и крабами, щедро посыпанный кинзой и сдобренный ложкой соевой пасты... Вкус непередаваемый. Но такую кашу нужно есть обжигающе горячей. Стоит ей остыть — и появляется специфический рыбный запах, который Янь Чжэнь вряд ли оценит.

«Значит, будет ледяная каша. А для господина кота — отдельный обед»

Проведя ревизию в холодильнике и кладовой, Ань Сынянь остановил выбор на ледяной каше из фиолетового батата и ямса. Батат полезен для крови, ямс — для желудка. Такого богатого гостя нужно поддерживать в добром здравии.

Сначала он распарил батат до мягкости и растёр его в нежное пюре. Выложив массу на сито, Сынянь оставил её на время. По мере испарения влаги концентрация антоцианов возрастёт, и цвет станет на несколько тонов глубже — от ярко-фиолетового к насыщенному винному, как у старого бордо.

Натянув перчатки, он очистил ямс, на мгновение опустил его в лимонную воду, чтобы тот не потемнел, и тоже превратил в однородную пасту.

Основу каши составили рис, клейкий рис и зёрна слёз Иова. Через полчаса томления он добавил пюре из батата и ямса, ещё через пятнадцать минут засыпал леденцовый сахар. Спустя час блюдо было готово. Последний штрих — отправить кастрюлю в холодильник.

Перед подачей можно добавить немного мёда с османтусом для особого аромата.

Закончив приготовления, Сынянь прилёг на диван. До ужина оставалось время, и он лениво листал ботанический атлас, изучая различия между флорой Земли и мира Цзюи.

Для адепта магии дерева алхимия и создание пилюль были базовыми навыками. Однако Сынянь, так и не достигший стадии Создания Основы, не мог использовать истинное пламя для варки эликсиров высшего порядка. Он знал лишь азы и умел готовить простейшие шарики-пилюли.

Главная проблема заключалась в другом: земные растения разительно отличались от тех, к которым он привык.

На странице атласа красовалось фото Призрачной орхидеи. Цветок словно парил в воздухе; внешне он был почти идентичен траве «Простое золото шести лепестков крыльев бабочки», которую Сынянь знал в своём мире. Такое же полное отсутствие листьев.

В Цзюи эта трава служила основным ингредиентом для «Пилюль продления жизни». Простые люди, лишённые духовного корня, могли обрести долголетие только с их помощью. Одна пилюля даровала лишние пятьдесят лет жизни, но действовала лишь раз.

Ань Сынянь ввёл запрос: «Сколько стоит одна Призрачная орхидея?»

Поисковик выдал ответ мгновенно.

«Полторы тысячи?»

Он хмыкнул. Дороговато, но терпимо — примерно равно его дневному заработку...

Постойте. Там в конце была ещё одна приписка...

«Десять тысяч?!»

Пятнадцать миллионов за один цветок?! Причём купить его практически невозможно.

Сынянь вздохнул. На фоне таких цифр только что полученные шестьдесят одна тысяча внезапно перестали казаться крупной суммой.

«И когда я только накоплю такие деньги?..»

Он откинулся на спинку дивана. Солнечный свет, пробиваясь сквозь тюль, рисовал узоры на полу. В гостиной царил тишина, нарушаемая лишь мерным гулом кондиционера и его собственным сердцебиением, которое в пустой груди отдавалось ритмичными ударами, словно звук деревянной рыбы в храме.

«У них ведь всё хорошо, верно?»

Он повторял эту фразу бесконечное количество раз — то ли оправдываясь, то ли пытаясь утешить самого себя. Наконец, не выдержав, он открыл страницу Лян Хаоцай в соцсетях.

Лян Хаоцай была его матерью. Её лента была заполнена фотографиями младшего сына: вот он спит, вот у него прорезался первый зуб, вот мама гуляет с ним в парке... Малыш, которому не было и двух лет, улыбался как ангел.

Сынянь вернулся в этот мир уже больше десяти дней назад. Он сотни раз порывался набрать знакомый номер, но стоило вспомнить «ту самую ночь», как храбрость мгновенно испарялась.

Иногда он задумывался: если бы всё не вскрылось так нелепо и публично, если бы он не признался во всём отцу... как сложилась бы его жизнь? Стал бы он офисным работником, умершим от переутомления, чтобы потом переродиться в ином мире? Появился бы на свет Ань Цзяшу?

Цзяшу — какое прекрасное имя. В нём жила надежда, что он станет опорой семьи, деревом статным и прямым. Но разве дерево, выросшее криво, перестаёт быть деревом? Неужели любовь, которую возвращали двадцать лет, может испариться за одну ночь?

Ань Сынянь не знал ответа. И не чувствовал острой потребности его искать — три сотни лет странствий по миру Цзюи смыли многие обиды. Но раз уж судьба дала ему шанс вернуться, долг перед родителями нужно было отдать.

Если у его родных нет духовного корня, то «Пилюля продления жизни» для каждого станет его последним прощальным даром.

«В общем, нужно зарабатывать. И много»

Покончив с приступом меланхолии, молодой человек заказал в интернет-магазине штативы и кольцевые лампы. Он решил запустить стримы: нужно было расширять дело и заодно рекламировать свой гостевой дом.

Вечер подкрался незаметно. Когда наступило время ужина, Янь Чжэнь спустился в гостиную со своим привычным термосом.

Сынянь поставил перед ним большую чашу тщательно приготовленной каши. Мужчина явно опешил. Его губы несколько раз беззвучно шевельнулись, прежде чем он медленно выдавил:

— Ты что... сварил кашу на марганцовке?

<http://bllate.org/book/15856/1441466>